

БЕЛЫЙ ПАРУС НАДЕЖДЫ

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

...Она подколола на затылке русые, на прямой пробор, волосы, и мягкие черты ее лица получили особую завершенность. Теплый свет голубых глаз. Легкий румянец на выступающих скулах. Да ведь я где-то видела именно этот овал лица и линию плеч... Она склонилась чуть набок голову, улыбнулась:

— Проходите, усаживайтесь в кресле.

Я осмотрелась. Над столом портрет Кибрика. Под потолком щепная птица. Пушистый куст сухих трав на полу. И всюду — рисунки, эскизы, старые фотографии. А посреди мастерской, рядом, два мольберта с поднятыми на них белыми планшетами напомнили вдруг двухмачтовый парусник.

— Это работа мужа. А это — моя, — пояснила Людмила. На рисунке Георгия Елфимова, радуясь праздничному фейерверку, прыгали, кувыркались, словно мячики, два мальчугана.

А рядом, на соседнем листе, тихо струился свет белой ночи. И пахло сеном и мятой под пологом на деревенской повети. Здесь все было так узнаваемо, дорого сердцу.

И подхватил, унес меня за собой белый парус — лист на мольберте — в знакомый мир образов молодой архангельской художницы Людмилы Елфимовой. В этом солнечном мире в знойный июльский полдень истекают сладким дурманом высокие травы. Из пещеры студеной речки выходят на берег две маленькие северные Афродиты. И кажется, что огромная щедрая земля протягивает к ним свои нагретые солнцем ладони. Там женщины в белых косынках косят траву, мечут стога. И сладок ломоть ржаного хлеба из их заботливых рук. А вечером садят у окна мать и дочь перебирать ягоды. Золотые солнечные лучи будут лас-

кать их лица. Спокойная плавность северных рек и протяжная ширь равнин повторятся в певучих линиях женских рук, несущих тепло родной земли. Безмятежный и светлый мир, где человек живет в единении с природой. В согласии с собой и людьми. А в облике лирической героини этих работ порой сквозят черты самой художницы.

Таковыми привык видеть зритель рисунки Людмилы Елфимовой. Но вдруг (как часто в искусстве все начинается именно с этого «вдруг»!) произошло неожиданное.

На выставке, посвященной 400-летию Архангельска, что состоялась летом прошлого года, подолгу останавливались посетители около графического триптиха «Революционные праздники 20-х годов в Архангельске». Смотрели поразному. Одни с удивлением: «Неужели это та самая Людмила Елфимова?» Другие серьезно и вдумчиво. Но никто равнодушно. Красноармеец-трубач в открывающем триптих «Ноябрьском утре» словно возвещал о рождении новой темы в творчестве художницы. Сложной и очень ответственной — историко-революционной.

И вот сегодня в мастерской Людмилы меня ждала еще одна удивительная встреча с ее «Революционными праздниками 20-х годов в Архангельске»:

— Посмотрите, какую ценность мне доверили, — с этими словами она протянула дневник военных лет ветерана-северянина Павла Николаевича Анисимова.

Листаю страницы с фронтowymi записями и рассказами о жизни тыла. Рассматриваю зарисовки уголков родного города и наброски портретов. И

вдруг нахожу вырезку из «Правды Севера» за минувший год с тремя знакомыми рисунками. А рядом рукой ветерана написано: «Пережитое нами хочется увидеть хотя бы в одной картине Людмилы Елфимовой. Особенно высадку трудового десанта в Кандалакше. От парохода «Родина» на километр — колонна женщин с лопатами на плечах, с котомками и чемоданчиками. Увидев это грозное прошлое, умывались бы слезами те бывшие тогда девочки...».

Эти слова ветерана, адресованные молодой, войны не знавшей художнице, до глубины души взволновали меня. В них надежда, что она напишет именно так. Потому что затронуло фронтовика ее «кумачовое утро 20-х», увиденное летом на выставке.

— Разве возможно не откликнуться на такое! — словно уловив мои мысли, говорит Людмила. — Этот человек сам нашел меня. Принес свой дневник с надеждой, что он поможет в работе над темой. Прочла его дневник, — и мне открылся целый мир. Но этот эпизод, что вспомнил Павел Николаевич рядом с моими рисунками, волнует особенно. Да, сорок лет — это много. Но когда Павел Николаевич сидит передо мной вот так, как вы сейчас, рассказывает о пережитом, те далекие дни приближаются. И я вижу себя среди этих женщин и девочек, что отравились в сорок первом на оборонные работы... До этой встречи у меня было много замыслов, планов, но теперь я уже не могу ни о чем другом думать, писать...

Художницу и ветерана часто теперь можно видеть вместе. Он знакомит ее со своими

друзьями, участниками памятного рейса «Родины» в Кандалакшу. Их можно встретить вдвоем в Архангельском музее истории Северного морского пароходства. Письма. Документы. Старые фотографии. Встречи и воспоминания. Во что выльется все это обилие впечатлений? Как, каким образом нахлынувшие мысли и чувства лягут гармонией линий на белый лист? Возможно, это будет один рисунок, один запавший в сердце эпизод. А может быть, появится серия работ, посвященных судьбам северянок в тылу.

Я неожиданно ощутила, как сюда, в мастерскую, сходятся незримые нити всего многообразия мира. В нем все важно, все волнует сердце художницы. И оценка в дневнике сына, и боль в глазах старого фронтовика. Запах лугового цветка и тревожный гудок «Родины» из далекого сорок первого... И закономерными показались все неожиданные «вдруг» в ее творчестве, эти шаги на сложном пути гражданской зрелости художницы.

Хотелось еще о многом поговорить. Но в мастерской раздался телефонный звонок: муж сообщил, что привел из садика Дашу, а Егор уже давно вернулся из школы. Я задала Людмиле последний вопрос.

— Это, наверное, очень сложно: женщина-художник? Ведь вы мать двоих детей...

И она ответила:

— Бывают, как у всех, трудные минуты, усталость, сомнения. Кажется, что все уже давно сделано до тебя. Но стоит лишь на время отказать от творчества, чтоб почувствовать, что без этого просто не можешь жить. А нам, матерям, большее дано, чем всем остальным, открывается в жизни многое, мимо чего другие проходят, просто не замечая. Ведь у нас и

глаз, и сердце более чуткие. И если бы не они, мои дети, все мое творчество было бы совсем иным...

Она улыбнулась своей мягкой улыбкой, и в потеплевших ее глазах дрогнула ласковая синева.

Мы уходили из мастерской, когда в бездонное окно мансарды закрались сумерки. Окутали легкими тенями все вокруг. Только светлые островки рисунков, набросков, эскизов выплывали то тут, то там. А на полу, у мольберта, невскинутым белым парусом томился чистый, еще нетронутый лист.

И. СИДОРОВА.
Фото А. Вилачева.